

ПИСЬМА АРТИСТУ

Когда мы говорим об искусстве того или иного артиста, то в первую очередь вспоминаем его роли, взволновавшие нас, вспоминаем его собственный актерский образ... Однако не менее важно, на мой взгляд, то отражение искусства, которое мы называем

следом в душе. Без него портрет актера не будет полным, законченным. Сегодня мы знакомим читателей с письмами-откликами, обогащающими творческий портрет артиста Академического Большого драматического театра имени М. Горького Олега Басилашвили.

О. Басилашвили в одном из недавних интервью. Ибо борьба со злом предполагает его исследование и осуждение. Ибо в этом и заключается одна из важнейших задач искусства. Многие зрители прекрасно понимают это. Так, автор одной записки замечает: «Создавать положительных героев почетно, отрадно и трудно. Но еще сложнее вылепить отрицательный персонаж, порой не принимая его, в споре с ним искать правду» (из записки И. Важинской). И все же... Все же есть доля «сермяжной правды» в зрительских недоумениях. Конечно же, творческий диапазон актера допускает исполнение ролей совсем иного плана. Коротко говоря, таких, где проявляются человеческое обаяние артиста, его ум, широкая и свободная эрудиция, теплота сердца.

Издredка мелькают знакомые имена и фамилии. Открытка с видом Московского Кремля, новогоднее поздравление: «Побольше хороших ролей, здоровья и счастья. Всегда тебя помню и люблю! Целую и обнимаю. Твой старший Учитель». Подпись — П. Массальский. Кажется, это последняя весточка от него. Умер Павел Владимирович... Впрочем, вот еще один конверт с той же фамилией. Письмо от вдовы известного мхатовского актера и педагога: «Прочитала Ваши слова, чувства о Павле и очень разволновалась. Он так светло стоит в Вашей памяти, что, конечно, Вы стали мне близким и дорогим. Я знаю, с какой нежностью любил Вас Павел». — это отклик на воспоминания о Массальском, написанные О. Басилашвили для готовящейся в одном из издательств книги о Павле Владимировиче. Оттуда же, из юношеской поры, доносится и голос человека, когда-то посвящавшего их, воспитанников школы - студии, в историю МХАТа: «Хотелось бы мне, чтобы ты прочитал в журнале «Театр» мою главу из воспоминаний — о Вл. И. Немировиче - Данченко. Как будто там мне удалось сказать о нем что-то по существу. Откликов довольно много, но мне интересен твой. Обнимаю тебя, дорогой. Твой В. Виленкин».

П. Массальский играл в спектаклях Немировича - Данченко и у него учился. В. Виленкин, работая в литературной части МХАТа, довольно регулярно общался с Немировичем - Данченко. Каждый из них вложил в него, О. Басилашвили, что-то из ушедшей, но не исчезнувшей театральной и человеческой культуры. Незрима эта нить, но реальна. Она связует через свои последующие звенья судьбу мальчика из Тбилиси военных лет и великого «старика» Немировича - Данченко, заложившего в те годы основы мхатовской школы-студии. Она связует прошлое и настоящее.

О таких узлах — и другое письмо из Москвы, от человека, хорошо знавшего отца О. Басилашвили. Он рассказывает о Валерьяне Николаевиче, природном юморе его, четкой артистической речи, характерных жестах, эксцентричных фразах. А в конце письма неожиданно добавляет: «Вы спросите, зачем я все это рассказываю. Просто в жизни мне посчастливилось встретить хорошего человека! Хорошего не в хрестоматийном смысле, а в самом прямом, прямее и быть не может. ...Благодарность людская — если она от сердца — должна падать на благодатную почву. Сыновнее сердце — и есть та самая почва» (из письма П. В. Седова).

Пишут артисту незнакомые люди. Пишут в сущности чужому для них человеку. Пишут, как признаются во многих посланиях, впервые в жизни. Что же заставляет людей брать за перо? Ответы находишь в самих письмах: «не из праздного любопытства и избытка времени», как выразилась одна корреспондентка, а потому, бесстрашно признается другая, «что вы разбудили мое сердце, тронули мою душу». Автор третьего письма не сомневается — «актер, дарящий людям чистоту своего душевного теп-

ла, должен знать, что оно не пропадает втуне». Толчок к письму — встреча с актером, с образами его героев в спектакле, фильме, телеспектакле. Люди разных профессий и возрастов оказываются задетыми за живое не только искусством Басилашвили, но и самой его личностью. Потребность ответа преодолевает все: занятость, недовольство, лень, стыдливость.

Вот размашистое, большое письмо, подписанное сразу девятью зрителями, с указанием их профессий — медсестра, слесарь, техник, шофер... Авторы письма с простодушной искренностью призывают актера беречь себя: «Вы нам необходимы, как хлеб, как воздух, как солнце. Обликая пороки, Вы заставляете каждого оглянуться на себя и задать себе вопрос: а так ли я живу? Ваше искусство заставляет нас исповедаться перед самим собой, бороться за «лучшего себя». И за это Вам — низкий поклон...». Кажется, здесь явственно различаешь, как «резонирует» в душах искусство театра, как располагает к непринужденной доверчивости творчество актера. Не случайно с некоторыми адресатами у Басилашвили возникает переписка. Письма сначала приходят на театр, потом — домой. И те размышления, те вопросы, которые настойчиво звучат, например, в письмах учительницы английского языка одной из ленинградских школ, несомненно, заставляют самого актера вновь и вновь возвращаться мысленно к своим ролям и шире — вообще к жизни.

«Единственное, что я ценю в людях, — пишет она, — это доброта сердечную, тепло души. Конечно, ум тоже хорошо, но если нет сердечного тепла, то и умный человек выглядит каким-то холодным, как покрытая снегом горная вершина. И красиво, а недосыгаемо, далеко очень. ...Наверное, я Карась-идеалист, но не умею, не могу себя заставить быть хитрой и цепкой в жизни.

А как Вы смотрите на жизнь?

Вспомнила Вашего Андрея Прозорова. Вы написали, что любите его. Но ведь он несчастный человек. За что же Вы его любите? Человек должен быть счастливым» (из письма учительницы английского языка Н. И. К.).

Читаешь письма, и абстрактное понятие «зритель» обретает конкретность. Не только конкретность имен, фамилий, профессий. Видишь лица. Слышишь голоса. Угадываешь контуры судеб. Но более всего поражает интимность «обратной связи». Не со всяким родственником так разговаривают. Тут какое-то особое доверие. Зритель не только благодарит и задает вопросы. Зритель советует: «Сила Ваша в блестящем диалоге и потому роли, которые Вам принесут настоящее всеобщее признание. — Хиггинс, Фигаро (может быть, поздновато). Альмавива, Тригорин». Зритель критикует: «довольно — так часто Вы с такой скоростью тархитите текст роли, что, бывает, не успеваешь уловить смысл сказанного» (из письма, подписанного инициалами — С. Д.).

Зритель проверяет свои впечатления от игры артиста: «Мне показалось, что Вашему Джинглу немножко не хватало наглости и апломба.

Я взяла в библиотеке «Записки Пиквикского клуба» и перечитала все, что относится к Вашему герою. Я поняла, что Вы играете так, как нужно. Мне даже кажется, что Диккенс сам относится к неуловимой симпатии к этому персонажу» (из письма А. Н. Шаинской).

Зритель спорит с актером: «Я получил Ваше письмо, где Вы ответили на мои попытки объяснить мое понимание Гоголя в «Ревизоре». И все же я продолжаю настаивать, что Хлестакова надо играть предельно серьезно, не зубоскалить ни в коем случае. Вы не виновны в этом традиционным воплощении. Все так делали. С тоской надеюсь, что хотя бы перед смертью увижу Хлестакова серьезного, не комикующего, такого, как у Гоголя, на мой непросвещенный взгляд» (из письма актера из Харькова Е. В. Гвоздева).

«Один из лейтмотивов, проходящих вопросом через многие письма, — обиды за актера: почему Басилашвили постоянно и неизменно играет роли «ушербных» людей? Корреспонденты актера недоумевают: отчего и в театре, и в кино, и на телевидении режиссеры видят в нем преимущественно создателя «отрицательных» персонажей? Одна из зрительниц не на шутку рассержена этим обстоятельством и выражает свое возмущение в откровенно полемической форме: «С какой, собственно, стати Вас завалили ролями людей с «параличом воли», мерзавцев разных мастей, подлецов, кретинов, сыгранных хотя и с блеском, и с мастерством, но как-то особенно не затрагивающих. ...Для меня секрет: почему Вы за редким исключением... в исполнении своих ролей не используете свойственные Вам самому обаяние, тепло и тонкий ум?» (зрительница С. Д.).

На ту же тему, но совершенно по-своему размышляет школьница из Воронежа. Она — участница драмкружка — влюблена в театр и всерьез, а иногда не без юмора делится с Басилашвили своими сомнениями относительно актерской профессии. Дело в том, что ребята из этого драмкружка задают актерам разные вопросы, чтобы затем ответы мастеров поместить в своей газете, в рубрике «Таланты и поклонники». Она сетует: «А Вам, хотя Вы очень нравитесь ребятам как артист, писать не решился никто, не знаю даже почему, наверное, потому что Вы всегда играете каких-нибудь плохих людей, интеллигентных негодяев и разных там «Мерзевых». Но меня абсолютно не отпугивают все те плохие люди, которых Вы сыграли. Наоборот, все говорит о том, что Вы очень и очень хороший человек, плохому бы не удалось так талантливо сыграть негодяя... В драмкружке мне тоже всегда достаются роли каких-нибудь подлых женщин. Но по натуре я абсолютно не злая, у меня мягкий характер. Именно поэтому я сомневаюсь в выборе профессии. Посоветуйте, что же делать? Мне, кажется, что придется всю жизнь играть плохих людей. Вот Вы уже научены жизненным опытом, скажите, а это очень обидно?» (из письма Марины Жабиной).

Нет, не обидно, как бы отвечает своему корреспонденту

Кстати, театр словно поверил наконец-то в эти возможности артиста, словно услышал пожелания зрителей. Когда-то был Бочаров в спектакле «Беспокойная старость» — одна из любимых ролей актера. Теперь он играет Автора в спектакле «Наш городок». Минувший сезон отмечен такой кровной, такой вдохновенной работой Басилашвили, как роль чеховского дяди Вани в одноименном спектакле АБДТ имени М. Горького. Я не сомневаюсь в том, что этот образ благородно-прекрасной человеческой личности (как, разумеется, и весь спектакль в целом) вызовет впечатления глубокие и длительные, подвигнет многочисленных почитателей артиста на новые отклики.

Тема театра так или иначе проходит через все письма к артисту. Спектакли АБДТ имени М. Горького для многих «настоящий праздник». Задуманная связь актеров и публики, сцены и зала, непрерывный ток между ними напряженно пульсирует и в письме двух аспирантов, людей, как они пишут, «по профессии далеких от театра, но всеми силами души страстно влюбленных в Театр». Письмо вызвано «неожиданным откровением» — ролью Виктора Франка (спектакль «Цена»), на которую О. Басилашвили был введен после ухода С. Юрско-го. Но дело здесь не только в роли. Они пишут: «БДТ — наша огромная любовь «с первого взгляда», с первого спектакля и навсегда.

Разные спектакли рождали и разные чувства, но как бы сильны и глубоки они ни были, никогда, никогда не возникало желания написать... Впрочем, сдержанности учить и сам театр, его строгий стиль, самые высокие меры и требования, отсутствие столь частых сегодня на театральной сцене излишеств» (из письма Л. Бияк и Т. Блиновой).

А письма все идут и идут... Огромное количество откликов на программу стихов И. Маяковского, исполненную по телевидению, и на участие О. Басилашвили в телевизионном документальном фильме «Маяковский в Париже», на фильм «Осенний марафон» (одно послание даже адресовано Бузыкину и начинается со слов: «Дорогой Андрей Павлович!», и на выступление актера в роли Простого человека (спектакль «Энергичные люди»).

Письма артисту напоминают вспыхнувшие костры чувств и мыслей — в ответ на пламень искусства. В них длится, разгораясь смутой, наслаждением, нравственным беспокойством, искусство Артиста.

Эмиль ЯСНЕЦ